

Глава 15: Охота

Ни род Чжулун с Горы Чжуншань, ни нынешний Дворец Сына Небес в городе Фэнду — никто из них не знал истинного названия его меча. Все называли его «Драконья кость», но лишь единицы знали о «Запертом алом тереме».

Он по-настоящему использовал «Запертый алый терем» лишь дважды. В первый раз — против Инь Сюэ, во второй — против Инь Бинхэна.

Нити, сплетенные из духовной силы, были прочнее любого материала: до тех пор, пока течет духовная энергия, не оборвется и нить. Но когда он выбрался из Бездны Увядания, вся его духовная сила была истощена, и фундаментом стала Энергия Скверны.

Эта скверная сила подходила для данной техники гораздо лучше, чем чистая духовная энергия.

Мало того, что нити были достаточно прочными, чтобы разрезать драконью чешую, так еще и пропитка скверной давала способность к управлению.

Вспоминая ощущение того, как нити скверны медленно кромсают чешую дракона, Шэнь Ци слегка прищурился и, перевернув ладонь, внимательно рассмотрел кольцо на пальце.

Столько времени прошло, а он вдруг заскучал по тому чувству, когда чужая жизнь целиком и полностью была в его руках.

Это было совсем не то, что владение мечом.

Поворот руки — жизнь. Другой поворот — смерть.

Нити сплетались в огромную сеть, и враг становился лишь добычей, запутавшейся в ней. Погоня, противостояние, охота. Это пробуждало глубоко внутри самые темные желания убивать, заставляя застывшую кровь лениво вскипать.

Подавив жажду убийства в своих глазах, Шэнь Ци посмотрел на Му Цунъюня и мягко, тихо произнес:

— Старший брат, пойдете назад.

Му Цунъюнь кивнул и вернул его на пик Уван. Пока Шэнь Ци был занят изучением новой техники, Му Цунъюнь достал свой старый меч.

— Это меч, которым я пользовался раньше. Ты только начинаешь изучать искусство меча, его

должно хватить. Когда постигнешь намерение меча и достигнешь прогресса, тогда и найдешь себе подходящий меч жизни.

Он протянул Шэнь Ци темно-черный меч из персикового дерева. На клинке не было никаких украшений, но дерево было отполировано до гладкости и слегка поблескивало. Лезвия с обеих сторон были тупыми — меч не был заточен. Однако, коснувшись его пальцем, Шэнь Ци ощутил остаточное, острое как бритва намерение меча. Вероятно, он был создан из того же материала, что и Меч Сострадания Небесам, которым Му Цунъюнь пользовался сейчас.

— Этот меч очень похож на ваш Меч Сострадания Небесам, старший брат, — как бы невзначай заметил Шэнь Ци.

— Этот я отполировал сам, — Му Цунъюнь слегка застенчиво поджал губы. Это был первый меч, который он довел до ума своими руками.

Когда-то он был одержим стремлением постичь искусство меча, но у него ничего не получалось. Тогда он применил самый глупый способ: каждый день наносил пятьдесят тысяч ударов мечом. День за днем, пока наконец не осознал намерение меча.

Однако он не был коренным жителем этой эпохи, поэтому никак не мог преодолеть внутренний барьер, связанный с убийством людей. Всякий раз, когда он брал в руки заточенный меч, его решимость дрожала. В итоге наставник принес ему тысячелетнее персиковое дерево и велел сделать из него меч. В людских легендах персиковое дерево способно отгонять демонов и злую нечисть. Его же меч не имел лезвия, потому что был предназначен лишь для того, чтобы разить демонов.

За десять лет он отполировал из того дерева два меча. Первый — безымянный, который он отдал Шэнь Ци. Именно с ним он когда-то совершал свои ежедневные пятьдесят тысяч взмахов. Второй — Меч Сострадания Небесам. После того как он постиг намерение меча, он взял сердцевину тысячелетнего дерева в качестве основы и десять лет оттачивал его, чтобы получить свой меч жизни.

Когда появился Меч Сострадания Небесам, первый клинок стал не нужен. Му Цунъюнь бережно хранил его как память. И теперь, отдавая его Шэнь Ци, он ощущал легкое сожаление.

Шэнь Ци поначалу пренебрежительно отнесся к тупому мечу, но, заметив скрытые эмоции в глазах брата, тут же изменил решение и принял подарок:

— Спасибо, старший брат. Я буду очень беречь его.

Му Цунъюнь ответил коротким «мгм» и перешел к наставлениям:

— С завтрашнего дня, как только взойдет солнце, иди к Утесу Созерцания и совершай десять тысяч взмахов мечом.

Шэнь Ци: «?»

Его лицо на мгновение застыло, прежде чем он ответил согласием, хотя взгляд его уже не был таким радостным, как прежде. Даже Му Цунъюнь заметил перемену и усомнился, не был ли он слишком строг. Но, вспомнив свои пятьдесят тысяч взмахов, он решил, что десять тысяч для Шэнь Ци — это вполне посильная ноша. Разве бывает культиватор меча, который не познал тягот?

Му Цунъюнь взял себя в руки и строго добавил:

— Не смей халтурить. Я буду проверять.

Шэнь Ци: «...»

Тренировки начались со следующего дня, но в эту ночь Шэнь Ци еще не был вынужден махать мечом. Однако настроение у него было скверным. Убедившись по звукам из соседней комнаты, что Му Цунъюнь спит, он скрыл свое присутствие и бесшумно покинул обитель Минъюэ Цанлу.

У подножия пика Уван Шэнь Ци слегка размял пальцы. Бледный лунный свет упал на его ладони, высвечивая на поверхности Запертого алого терема жуткие узоры, темные почти до черноты.

— Давненько я тебя не кормил.

Шэнь Ци заложил руки за спину. Его фигура начала расти, а черты лица меняться. Сбросив личину безобидности, он облачился в пышные алые одежды и направился к пику Луу, где находился Зал наказаний. Его целью на эту ночь был Цзян Лин.

Однако на пике Луу следов Цзян Лина не нашлось.

Шэнь Ци, вернувшийся ни с чем, был еще более раздражен. Взмахнув рукавом, он призвал двух красных птиц — братьев Хун Фэна и Хун Юня.

— Ищите путь.

Обладать родословной Сузаку и при этом использоваться как сторожевые псы — братья мысленно изрыгали проклятия, но послушаться не смели. Разделившись, они облетели весь пик Луу. Вскоре старший, Хун Фэн, подлетел к Шэнь Ци, подобострастно покругился и показал, чтобы тот следовал за ним.

Цзян Лин уже покинул Сюаньлин. Днем, перед дедом и старшими братьями из Зала наказаний, он еще мог делать вид, что ничего не случилось. Но в тишине ночи он постоянно вспоминал тот удар мечом Му Цунъюня.

Он прокручивал в голове тысячи вариантов, пытаясь найти способ парировать тот удар, но, вспоминая леденящее намерение меча противника, понимал: он проиграл не из-за техники, а из-за самого намерения, если не сказать — из-за сердца меча. Никакие внешние средства не могли восполнить эту фундаментальную пропасть. Чем яснее он осознавал эту разницу, тем меньше у него оставалось сил, чтобы оставаться в Сюаньлине. Пришлось уходить под покровом ночи.

Но куда идти после ухода из Сюаньлина? В Секту Владеющих Мечом ему тоже было стыдно возвращаться. Он сидел на одинокой вершине, глядя на луну и теряясь в пустоте, пока прямо у уха не раздался холодный голос:

— Нашел тебя.

Цзян Лин вздрогнул и мгновенно пришел в себя. Инстинктивно отступив назад, он выхватил меч Яожи:

— Что за крыса здесь шныряет?

Шэнь Ци уже решил лишить его жизни, даже маску не надел. Он свысока оглядел противника, в его глазах читалось крайнее пренебрежение:

— Ты слишком уродлив в красном. Человеку стоит хоть немного обладать самопознанием.

Цзян Лина никогда прежде так не оскорбляли. В ярости он бросился в атаку. Шэнь Ци небрежно зажал клинок пальцами и усмехнулся:

— Слишком медленно.

Если бы это был поединок на мечах, этот уродец уже сотню раз был бы мертв. Но сегодня он не собирался использовать его как подношение мечу. Его золотистые зрачки сузились, он перевернул ладонь, прижал клинок Цзян Лина и снова усмехнулся:

— Слишком слабый — убивать его даже неинтересно.

Цзян Лин попытался выдернуть меч, но его тело внезапно застыло. По запястью распространилось ледяное ощущение. Он замедленно опустил взгляд и увидел серые нити, которые стремительно ползли по клинку Яожи к его руке. Тонкие нити переплетались в сеть, в лунном свете они поблескивали холодом, разрезая кожу и плоть. Только тогда пришла осознанная боль.

Сеть стягивалась, глубоко врезаясь в мясо. Цзян Лин был так измучен, что едва удерживал меч, закусив губы до крови, чтобы не выронить его. На остатках духовной силы он раздавил свою именную табличку, взывая о помощи.

Шэнь Ци заметил это, но не стал препятствовать. Наблюдая, как Цзян Лин отчаянно

барахтается в сети, полагая, что у него есть шанс выжить, он ощутил истинное удовольствие от охоты. Какой смысл, если жертва не сопротивляется?

Шэнь Ци пошевелил пальцами, и серые нити скверны, словно веревки марионетки, пронзили суставы конечностей Цзян Лина. У того от боли выступил холодный пот, но он пытался сохранить ясность мысли:

— Я... у меня нет с тобой... ни вражды, ни обид... Мой дед — это...

— Шумный.

Шэнь Ци не желал слушать дальше, и тонкие нити плотно стянули его рот. Затем, стоило Шэнь Ци слегка повести пальцем, как Цзян Лин стал двигаться точно по его воле, словно кукла.

— Кто сказал, что убить можно только из-за обиды?

Шэнь Ци заставил Цзян Лина самостоятельно снять красный плащ и злобно рассмеялся:

— Я убиваю лишь по настроению. Ты в красном выглядишь отвратительно, мне это не нравится, поэтому приходится тебя убить.

Цзян Лин был охвачен стыдом, но его тело не слушалось его. Когда на нем не осталось раздражающей красной одежды, настроение Шэнь Ци немного улучшилось. Он неспешно перебирал нити, наслаждаясь мучениями жертвы.

Жертва в сети отчаянно боролась, неотвратно приближаясь к смерти. В этом и была прелесть Запертого алого терема.

Шэнь Ци блаженно прищурился. Видя, что Цзян Лин уже превратился в кровавое месиво, а его дыхание слабеет, он уже собрался завершить охоту, как вдруг среагировала защитная формация в его спальне. Он замер и холодно фыркнул:

— Тебе повезло.

Не успел он закончить фразу, как исчез. Оставшиеся без управления серые нити рассеялись, превратившись в пепельный туман, который впитался в тело Цзян Лина. Тот рухнул на землю, его тело мелко задрожало, и он окончательно потерял сознание.

*

Звон колокола, донесшийся с пика Луу, разбудил весь Сюаньлин. На каждом пике был свой сигнальный колокол — как только обнаруживался демон, его били, чтобы предупредить остальных.

Му Цунъюнь, встревоженный звоном, первым делом отправился к Шэнь Ци. Постучал пару раз, не получил ответа и вышиб дверь.

Шэнь Ци сидел на кровати, протирая глаза. Он был в легком нижнем белье и с растерянным видом смотрел на него:

— Старший брат?

— Случилось беда, иди за мной.

Когда он оделся, Му Цунъюнь отвел его в Павильон Мрачной Звезды. Гуань Линъюнь и Цзинь Ни уже были там, а несколько внешних учеников, которые двигались медленнее, прибывали один за другим. Прождав около четверти часа, они увидели, как на мече прилетел Се Цыфэн. Выглядел он мрачно, и, если присмотреться, в его глазах можно было заметить гнев.

— Наставник, что произошло? — Му Цунъюнь, как старший брат, спросил первым.

Се Цыфэн окинул взглядом Шэнь Ци и произнес низким голосом:

— Твой дядя Чжугэ беспокоился о Цзян Лине, пришел к нему среди ночи, но не нашел его. А когда вышел на поиски, учуял на пике Луу присутствие демона из Фэнду.

Фэнду находилось за пределами Западных Пределов и было местом сбора тех, кого не принимали в этих землях. Из-за старых счетов они всегда были как огонь и вода. Случалось, что демоны из Фэнду проникали в секты Западных Пределов ради разведки, но если бы это был обычный проход, никто не стал бы поднимать такой шум.

Му Цунъюнь промолчал, и Се Цыфэн продолжил:

— Он преследовал его и обнаружил, что демон пытался прорваться в Павильон Тысячи Свитков.

Шэнь Ци, до этого опустивший голову, слегка приподнял бровь и лениво покрутил кольцо на пальце.

Кто-то из Фэнду ночной порой прорывался в Павильон Тысячи Свитков?

Что ж, становится интересно.

<http://bllate.org/book/21007/2135830>